

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Станислава Александровича Волкова
«Служебная карьера и творческое наследие
князя С.И. Шаховского в контексте модернизации русского
общества и культуры первой половины XVII в.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. Отечественная история

Личность князя С.И. Шаховского, как и его эпоха, представляют несомненный научный интерес. В этом, даровитом, выдающемся человеке было много и типичного, и неповторимого одновременно. Оставив после себя довольно большое для своего времени литературное наследие, князь так и не получил прижизненного всеобщего признания. Не стяжал он и «благодарной» памяти потомков. Однако всё это ничуть не снижает значимости трудов князя. Они интересны и как интеллектуальные, чаще всего богословские искания, и как литературные памятники, способные многое сказать о культуре правящих элит конца XVI – первой половины XVII вв.

Между тем, в научной среде отношение и к С. И. Шаховскому, и к его письменному наследию неоднозначно. Принимая во внимание содержание созданных князем текстов, ряд обратившихся к его творчеству ученых даже не нашли его труды ни оригинальными, ни представляющими интерес, оценив их не иначе как плод старательного графоманства. Однако, такая крайне категоричная оценка несправедлива, поскольку сочинения князя и не претендовали на оригинальность. Они отражали его внутренние поиски, интересы и представления. К тому же понять этого человека невозможно, не приняв во внимание его богатый и при этом драматический жизненный опыт, обусловленный процессами Смутного времени, в которые он, как и все его современники, служившие при Дворе, были вовлечены, столкнувшись с необходимостью не только выбирать «правильную сторону истории», но и просто выжить в условиях политической и социальной катастрофы, охватившей Россию и её Первопрестольную столицу. Впрочем, последующие за воцарением новой династии Романовых десятилетия, оказались для князя не менее тяжкими и полными угроз и бедствий. Всё это отразилось не только на образе С. И. Шаховского, но и на его интересах, взглядах, поисках, убеждениях, жизненной позиции и поведении при Дворе.

В результате дискуссионными представляются многие стороны жизни и интеллектуальных опытов князя, например, корпус его рукописного наследия. Атрибуция ряда текстов с произведениями князя по-прежнему носит дискуссионный характер, что неминуемо затрудняет и проведение максимально полной реконструкции его политических и богословских представлений.

Конечно, С. И. Шаховской не был «литератором» первого ряда, и всё же его идеи и мысли виделись части его современников интересными и даже иногда способными оказывать влияние на жизнь Московского Двора. Не менее интересны круг общения князя, его родственные, дружественные и служебные связи. Во многом трагична и вместе с этим примечательна карьера Семена Ивановича при Дворе. Наконец, грандиозную культурно-историческую ценность представляют религиозный опыт князя и его богословские и каноническо-правовые взгляды, отразившие не только его личные духовные поиски и обретения, но и общие религиозно-мировоззренческие интересы.

И всё же, не взирая на продолжительное господство в немногочисленных, но важных исторических работах скептического отношения к литературному творчеству

князя, в последние годы внимание к личности С. И. Шаховского и его литературному наследию, отразившему в себе не только душевные искания их автора, но и бурные реалии времени, не только не угас, но и стал разгораться, найдя выражение в целом комплексе публикаций. Одной из таких работ может считаться исследование Е. Г. Малюты «Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности». Однако данный труд сосредоточен на филологических аспектах творчества князя. Представленная же ныне диссертация посвящена истории жизни Симеона Ивановича Шаховского. Таким образом всё перечисленное позволяет оценивать заявленную тему диссертации как актуальную, и представляющую научный интерес.

Автор диссертации постарался и, как это видится, в целом безуспешно «восстановить биографию С.И. Шаховского и соотнести факты его жизни с богатым творческим наследием», соотнеся её с событиями и культурными процессами эпохи. В результате Станиславу Александровичу удалось представить стройное по своей структуре, логичное и старательное исследование. В диссертационной работе автор сумел опереться на значительный пласт источников, представленных памятниками изучаемой эпохи и сочинениями князя С. И. Шаховского, и не менее широкий круг исследований.

Тем не менее, некоторые положения и стороны диссертации небесспорны и при дальнейшем развитии темы и идей исследования могут быть уточнены. Так, дискуссионными представляются некоторые суждения автора, например, о влиянии западноевропейской культуры на московские элиты, сопровождавшиеся «вестернизацией и обмирщением основных культурных составляющих русского общества». Не менее дискуссионным и не вполне обоснованным видится и тезис о том, что «Смутное время стало для России периодом становления нового типа государственности, формирования общественно-политических институтов и культурных норм, которые во многом складывались под влиянием католического и протестантского Запада, но при этом имели свою национальную специфику». Высказанные автором идеи о католическом и протестантском влиянии на формирование общественных и государственных институтов на Руси видятся некоторым преувеличением.

Полагаю, большей аккуратности требует использование терминов «гражданская позиция» и «народное сознание». Вероятно, это стало результатом влияния на язык автора дореволюционной историографии.

Не менее дискуссионным видится использование автором категории «гражданской войны» в отношении Смутного времени. Насколько это верно для данной эпохи? Насколько оправданно употребление такой терминологии при описании изучаемых в диссертации событий? Полагаем, что употребление этого термина требует разъяснений.

Аналогичным видится и тезис о причинах Смуты, в котором автор высказывается за то, что по мнению современников «причины Смуты в духовном кризисе, отходе от старины и традиций». Не является это некоторой модернизацией? Насколько применимо к русской культуре исследуемого периода суждение о том, что Новому времени в условиях Руси были свойственны «мистицизм и иррациональность культуры новой эпохи»?

Полагаем, что автор находится под сильным влиянием церковной историографии. В результате, присутствующие в ней идеи и оценки придают исследованию своеобразие.

Диссертант активно использует тезис о «вестернизации и обмирщения русской культуры». Однако, что он под этим понимает? Неужели русская культура до Смуты была исключительно клерикальной? Известно, что светские и куртуазные мотивы присутствовали не только в западноевропейской, но и в византийской литературе.

Давая характеристику интеллектуальным исканиям того времени, автор приходит к примечательному выводу: «исторический процесс все чаще начинает рассматриваться авторами русских публицистических и художественных произведений не в контексте Промысла Божия и символически-божественной идеологии светской власти, а как исключительно гражданский, общественный путь России». При этом сам исследователь, судя по всему, находит такие изменения негативными. Однако такие перемены вернее искать не столько в «вестернизации», сколько в накоплении в кругу элит знаний, в возникновении в этих условиях естественной потребности выявить закономерности происходящего... В противном случае, следуя логике автора, можно признать, что его работа – должна оцениваться в качестве «плода вестернизации» российской науки.

Ссылаясь на Ю.Ю. Синелину, автор считает, что Россия стала страной, подвергшейся в этот период ни много, ни мало «насильственному принятию ценностей западноевропейской культуры». Между тем, насколько это верно? Хорошо бы увидеть в работе некоторые примеры этого явления.

При том, что с личной научно-мировоззренческой позицией автора нам трудно согласиться, нельзя не признать, что предложенный им обзор полемических произведений князя С.И. Шаховского позволяет увидеть широкий спектр идей и переживаний, присутствовавших в кругу наиболее образованной части Московского двора и Московского царства.

Таким образом некоторые авторские оценки процессов формирования научного мировоззрения в России XVII в. видятся спорными. Анализируя интеллектуальные процессы в данный период времени, С. А. Волков замечает, что в этот период на «Руси только зарождалось монастырское сообщество ученых-богословов». Полагаю, что применительно к Московскому государству ещё нельзя так уверенно говорить не только о зарождении «сообщества», но и самого феномена «ученых богословов». Ещё приходится иметь дело не с «научной», а «книжной» культурой мысли. Автор явно преувеличивает степень зрелости интеллектуальных процессов в России. Между тем, находясь под сильным влиянием религиозной литературы и церковно-научных концепций автор, на наш взгляд, несколько увлекается тяжеловесными заявлениями.

Например, говоря о немногочисленности печатных книжных изданий и деятельности типографии Троице-Сергиевой Лавры, исследователь пишет: «Типография Троице-Сергиевой лавры готова была взять на себя миссию по восполнению культурного фонда и наполнению его книгами богословского и богослужебного содержания». Знали ли труженики типографии обитатели, что они трудятся, выполняя «высокую миссию по наполнению книжного культурного фонда»?

В целом С. А. Волков, на наш взгляд, находится под очень сильным влиянием церковной литературы и свойственной ей полемической тенденциозности. Несомненно, такие оценки тоже могут иметь место. Однако их некритическое принятие может привести к ангажированности и вывести авторские идеи из области исторической науки в область мировоззренческих споров.

Вторая и третья главы видятся более удачными и интересными, поскольку их тексты и выводы зиждятся не на историографических концепциях, а на источниках эпохи. К сожалению, автор диссертации отказался от высказывания ясного мнения о принадлежности спорных произведений перу князя С.И. Шаховского. Между тем, без ясной атрибуции произведения с автором невозможно решить одну из основных задач

исследования - воссоздание мировоззренческих представлений князя. И всё же эти части диссертации вполне успешны.

Вторая глава полностью посвящена биографии князя. При этом основное внимание сосредоточено на его служебной карьере.

Как это представляется, С. А. Волкову на примере крайне непростой и даже трагичной судьбы князя удалось показать то, что переживали современники Смуты. Конечно, здесь речь идёт не о крестьянах и посадском населении, а о высшей придворной элите. Именно к ней принадлежал князь, являясь представителем одной из многочисленных ветвей разросшегося древа Рюриковичей. Автор весьма подробно описывает злоключения и трудности службы С. И. Шаховского. Работа С. А. Волкова с источниками представляется успешной. И тем не менее, некоторые оценки автора кажутся слишком сомнительными. Например, описывая бунт в Сольвычегодске, чуть не завершившийся убийством запершегося в местной церкви московского сыщика Ф. Приклонского, С. А. Волков пишет о том, что несчастный столичный «чиновник» «заперся в главном храме города, надеясь, что набожные горожане не станут убивать человека в святом месте». Дело даже не в том, что здесь присутствует примечательный пример попытки использования несчастными сыщиков права на укрытие в церкви. Проблема в ином: можно ли назвать озверевшую и пьяную городскую толпу, выламывающими ворота храма, «набожными горожанами»?

Главное, вывод С. А. Волкова о том, что «что многочисленные опалы С. И. Шаховского являлись следствием не только сложности его характера и религиозных взглядов, но и серьезных изменений во внутривластной обстановке», в целом верен. Впрочем, говоря о религиозных взглядах Шаховского, всё же необходимо принимать во внимание, что это сочинения и размышления ищущего человека, предназначались преимущественно для частного употребления, а не публичного обсуждения. И оценивать их с позиций современной догматики не вполне справедливо.

Интересной видится и третья глава, посвящённая литературным опытам князя. Главное достоинство исследователя в этой части заключается в том, что автор вписал создание тех или иных сочинений в общий контекст эпохи и обстоятельств жизни С. И. Шаховского. Досадным видится лишь то, что такая обширная и интересная глава завершается крайне кратким выводом, не отражающим множество интересных и заслуживающих внимания наблюдений и выводов исследователя. Хотелось бы увидеть более развернутое резюме, которое бы суммировало все богатство представленных наблюдений и позволило бы лучше осмыслить значимость этих литературных опытов в контексте его биографии и эпохи. Будем надеяться, что это дело будущих работ диссертанта в данном направлении и он продолжит заниматься этой интересной и актуальной темой.

Однако в целом можно согласиться с общими выводами автора представленной к защите диссертации.

Что же касается имеющихся в диссертации дискуссионных моментов, то они не умаляют достоинств проделанной С. А. Волковым работы и являются вполне естественным следствием научного диалога. Публикации автора и представленный автореферат полностью соотносятся с темой диссертационного исследования, а логика, структура и текст автореферата с содержанием диссертации.

По теме диссертационного исследования имеются 5 публикаций соискателя, в том числе 3 статьи в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованного ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Публикации и автореферат соответствуют теме диссертации и отражают ее основные идеи и выводы.

Считаю, что диссертация Волкова Станислава Александровича «Служебная карьера и творческое наследие князя С.И. Шаховского в контексте модернизации русского общества и культуры первой половины XVII в.» является законченным исследованием, а содержание диссертации полностью соответствует пунктам 4, 7, 11, 12, 13, 17, 24 Паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки) ВАК при Минобрнауки России. Представленное к защите диссертационное исследование является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, отвечающей требованиям пунктов 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор Волков Станислав Александрович заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент, доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры Истории
ФГАОУ ВО "Московский государственный
технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)"

«20» сентября 2026 г.

Гайденко П.И. П. И. Гайденко

Гайденко Павел Иванович
доктор исторических наук,
специальность 07.00.02 – Отечественная история,
доцент, профессор кафедры Истории,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»

Почтовый адрес:
105005, г. Москва,
ул. Бауманская 2-я, д. 5, стр. 1,
тел.: 8-499-263-6542,
e-mail: pavelgaidenko@bmstu.ru

«ВЕРНО»
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
Линиянина А.Н.
ОТДЕЛ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ
ЕДИНОЙ ПРИБОРНОЙ УКСМА
МГТУ ИМЕНИ Н.Э. БАУМАНА